

ВИНОГРАДОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент Факультета гуманитарных наук, старший научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)

auvinogradov@hse.ru

<https://www.hse.ru/staff/andrey.vinogradov>

Параллельные «Средневековья»: Византия, Кавказ (и Древняя Русь)

Текст работы основан на дискуссионном докладе, представленном на конференции «Шестое Средневековье» (25 мая 2012 г.). На суд читателя предлагаются вольные размышления о стадийном состоянии медиевистики в сфере изучения Византии, средневекового Кавказа и Древней Руси. Траектории развития медиевистических штудий в каждой из этих областей оказались различными, что было во многом обусловлено политико-культурными обстоятельствами. Эти причины определили и их отличия от современного состояния западноевропейской медиевистики.

Ключевые слова: Византия; Древняя Русь; медиевистика; средневековый Кавказ.

ANDREY VINOGRADOV

Candidate of Sciences (History), Associate Professor at the Faculty of Humanities, Senior Research Fellow at the Centre for Medieval Studies, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)

auvinogradov@hse.ru

<https://www.hse.ru/staff/andrey.vinogradov>

Parallel Middle Ages: Byzantium, the medieval Caucasus (and Ancient Rus')

The present text is based on a discussion report presented at the conference "Sixth Middle Ages". It contains some reflections on the situation in medieval studies concerning Byzantium, the medieval Caucasus and Ancient Rus'. The trajectories of the development of medieval studies in each of these areas were different, largely due to political and cultural circumstances. These reasons also determined their differences from the current state of research in West European medieval studies.

Key words: Ancient Rus'; Byzantium; medieval Caucasus; medieval studies.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

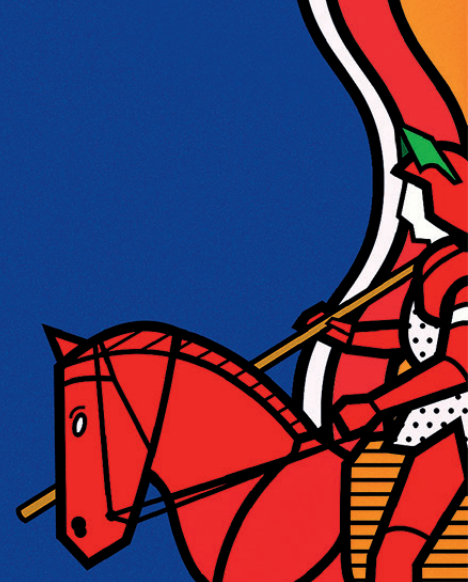
Виноградов А. Ю. Параллельные «Средневековья»: Византия, Кавказ (и Древняя Русь) [Электронный ресурс] // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2(5). С. 179–191. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2019-2-vinogradov>

FOR CITATION

Vinogradov A. Yu. Parallel Middle Ages: Byzantium, the Medieval Caucasus (and Ancient Rus') [Digital Resource] [Vinogradov A. Parallel Middle Ages: Byzantium, the Medieval Caucasus (and Ancient Rus')] // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2(5). P. 179–191. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2019-2-vinogradov>

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

Параллельные «Средневековья»: Византия, Кавказ (и Древняя Русь)

Настоящий текст — попытка вписать средневековую историю Византии и Кавказа в рамки той парадигмы сменяющих друг друга «Средневековий», которая была предложена организатором конференции «Шестое Средневековье, или Зачем нам сегодня Средние века?» в 2012 г. — М. А. Бойцовым¹. Предлагаемый вниманию читателей эскиз — не более чем личный опыт историка, занимающегося двумя этими регионами.

Но прежде чем перейти к такой попытке, целесообразно задаться вопросом о том, насколько допустимо сопоставлять Византию и Кавказ с европейскими Средними веками. Не углубляясь в дебри онтологической проблематики Средневековья и в вопрос о применимости термина «Средние века» не к Европе, выделю все же три серьезных основания. Во-первых, оба региона представляют собой совокупность христианских *государств* (а не просто христианских народов, как на Христианском Востоке, простирающемся до Китая), где христианство, как и в Западной Европе, определяло многие сущностные черты средневекового общества². Во-вторых, и Кавказ, и, прежде всего, Византия реципировали и транслировали римскую «картину мира», включая практики легитимации власти, что также немало роднит их со средневековым Западом. Наконец, у Западной Европы, Византии и Кавказа есть общее Средневековье — это государства эпохи Крестовых походов в Восточном Средиземноморье.

Конечно, при всех сходствах здесь следует помнить и о различиях, самое важное из которых заключается в том, что

1. См. статью М. А. Бойцова в настоящем сборнике: *Бойцов М. А. Средневековье — в реальности или только в нашем сознании?* // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2(5). С. 169–178. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2019-2-boytsov>.

2. Тем самым я ограничусь анализом Средневековья лишь для христианских государств Кавказа: армянских, грузинских (включая абхазское) и аланского.

научное изучение средневековой Европы было начато и почти всегда производилось самими европейцами — ее наследниками, тогда как в случае Византии и Кавказа мы видим начало их изучения извне, теми же европейскими учеными, с их опытом понимания «Средневековья». Но одновременно то отрицательное отношение к Средневековью («мрачное Средневековье», *medium aevum* как варварский переход от прекрасной античности к светлому будущему), которое сформировалось в Европе Нового времени, оказывается абсолютно чуждым византийской и кавказской перспективе — здесь Средние века (насколько только они вычленяются тут вообще, см. ниже) рассматриваются, напротив, как время наивысшего политического и культурного расцвета, время вхождения в семью христианских народов (а для Византии — даже господства в ней).

Собственно говоря, само возникновение слова Византия — *Byzantium*, из-под пера Иеронима Вольфа, означало почти то же самое, что и появление термина *medium aevum*, — а именно желание обособить Рим древний, «римский», от Рима нового, «греческого», римлян — от ромеев, не осознающих этой дистанции. Но тем самым невольно произошло и первое, донучное вычленение одной из трех общепризнанных основных компонент византийской цивилизации — римского наследия.

Вторая компонента — греческая культурно-языковая, доминировала в отношении к Византии у прямых ее наследников, точнее, у осколков империи — носителей греческого языка, стремившихся сохранить свою идентичность, прежде всего, в языковом аспекте. Впрочем, собственно для изучения Византии эта позиция оказалась наименее плодотворной: восторженное отношение к Византийской империи как к лучшей странице истории греческого народа, искавшее ее субститутов то в покровительстве русского царя, то в «филархии» Константинопольского патриарха, порождало желание любоваться Византией, но не исследовать ее. Поэтому неслучайно, что при формировании новой идентичности независимой Греции в качестве этнонима были выбраны не «ромей»,

идейная составляющая которых во многом уже изжила себя, а «эллины» как знак превознесения славной греческой античности и, соответственно, пренебрежения к Средневековью, — слово, заметим, немислимое в византийской парадигме, поскольку им обозначали язычников.

Наряду с европейским изучением Византии как наследницы Греции и Рима достаточно плодотворным был и третий подход к византийскому наследию, связанный еще с одной компонентой — религиозной. Для православной ойкумены, чьи границы были значительно шире пределов греческого мира, Византия оставалась не только религиозно-нравственным авторитетом, но и, что важнее, основой множества общественных институций и установлений, которые следовало постоянно почитать по византийскому образцу. Хороший пример такой ориентации на византийское наследие — никоновские реформы и книжная справа XVII в. на Руси.

Таким образом, освоение византийского наследия и, как следствие, — изучение Византии, шло до середины XIX столетия преимущественно двумя путями: в рамках европейской науки, для которой Византия оставалась преимущественно некими недо-Римом и полу-Азией, и в контексте православного «любомудрия», наоборот, ориентировавшегося на нее как на недостижимый идеал. Получается, что у Византии было одновременно два мало пересекавшихся «первых Средневековья», причем его европейский извод был меньше подвержен смене парадигм (просветительской, романтической, национальной), чем европейское Средневековье, так как Византия была, по сути, чужда Европе и в национальном, и в религиозном, и в государственном аспектах.

Начиная с Кириака Анконского, копировавшего на Востоке древние статуи и надписи, и до Константина Тишендорфа, искавшего там древние рукописи, отношение европейцев к Византии было «потребительским». Они охотно черпали оттуда удобные для себя образы и концепты, создавая либо положительный (как у реформаторов), либо отрицательный (как у просветителей) образ, но не пытались понять ее как таковую — по сути, именно так Византию и миновали первые

три европейских «Средневековья»³. Даже создание греческой (а по сути своей, византийской) палеографии Б. де Монфоконом или фундаментальные труды агиологов-болландистов были посвящены извлечению необходимых им сведений о датировке рукописей или о подлинности житий, но, опять же, не собственно изучению византийской цивилизации.

Качественное изменение в изучении Византии (и в меньшей мере — в отношении к ней) происходит ближе к концу XIX в., когда рождается византистика как наука, причем практически одновременно и в Европе, и в России: не случайно «Byzantinische Zeitschrift» и «Византийский временник» возникают с разницей всего в два года. Соседствуя во времени с национально-государственным «четвертым Средневековьем» Европы, это новое византийское «Средневековье» оказывается меньше нагружено такой составляющей, как в Европе (где обращение к Византии не выходит за пределы создания недолговечного архитектурного стиля *byzantinisch-wilhelminisch*), так и, как ни парадоксально, в России, где, учитывая ее историю, можно было бы ожидать намного большей национально-государственной ориентации на Византию. Однако здесь на себя эту патриотическую функцию берет преимущественно русское Средневековье, тогда как византистика в России развивается, в общем и целом, по лекалам европейской науки, не отставая от нее, а временами и опережая. Дело здесь отчасти и в том, что в отличие от многих других областей знания, созданных в России немцами, изучение Византии продолжало подпитываться старой, церковной струей: неслучайно раньше страсбургского профессора Густава Анриха святителя Николая «раздвоил» далекий от университетской науки архимандрит Антонин (Капустин)⁴. Не случайно и то, что самыми сильными дисциплинами отечественной византистики, лидировавшими тогда в мире, стали именно те направления, которые теснее всего были связаны с церковной историей: литургика, агиография, история права.

«Пятое Средневековье» после Второй мировой войны пришло и в византистику, однако скорее в виде подражательства, без разработки столь обширной теоретической базы.

3. *Бойцов М. А.* Средневековье — в «реальности» или только в нашем сознании? С. 173–174.

4. *Антонин (Капустин), архим.* Еще о свят. Николае Мирликийском // Труды Киевской духовной академии. 1873. №4.12. С. 241–288; *Anrich G.* Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen. Leipzig; Berlin, 1913–1917. Bd. 1–2.

Вообще, византистика как наука западноевропейская по своему происхождению взирает на западную медиевистику как на свою старшую сестру и не без зависти старается подражать ее новым нарядам: в этом смысле очень показательна история открытия византийских «ренессансов» и «гуманизмов». При этом гендерные, социально-антропологические, микроисторические и другие «новаторские» исследования, результаты которых зачастую мало верифицируемы, сосуществуют в византистике с консервативным академическим подходом XIX в. Причина этого — отчасти позднее развитие византистики как науки, не успевшей издать тексты и изучить базовые проблемы Византии в той мере, в какой это удалось западноевропейской медиевистике. В России же, где византистика была после революции практически уничтожена, она возродилась после Второй Мировой войны, но в том самом консервативном староевропейском изводе, а не в форме «пятого Средневековья», которое с трудом доходит до нас лишь сейчас, причем преимущественно в достаточно экзотических формах, вроде «агиографии как геометрии графов» В. М. Лурье⁵ или «иеротопии» А. М. Лидова.

Вышеописанные генетические проблемы византистики, пока не решенные до конца, не предвещают, на мой взгляд, какого-то скорого научного поворота, благо нет к нему и общественных предпосылок. Современное секулярное европейское сознание (впрочем, как и средневековое) воспринимает Византию как нечто далекое и инаковое («византийство»), но одновременно (во многом через греческое и римское «посредство») родственное европейской цивилизации. Наиболее положительное отношение к Византии сохраняется, пожалуй, в церковной среде, как католической (обожаящей после Второго Ватиканского собора византийские иконы и восточную духовность), так и, тем паче, православной, в ее различных национальных изводах. С одной стороны, Византия — это хорошо продаваемый бренд: словом «византийский» без всякого уточнения и зазрения совести в Греции обозначается современная иконопись, подражающая не византийской даже, а поствизантийской критской школе, и церковное пение, реформированное в XVIII в. С другой стороны,

5. См.: Виноградов А. Ю. Два отечественных введения в агиографию [Никулина Е. Н. Агиология. Курс лекций. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008; Лурье В. М. Введение в критическую агиографию. СПб.: Аксиома, 2009] (рецензия) // Богословские труды. 2012. №43–44. С. 594–621.

Византия — это идеологема: в Греции Византия — идеал для наиболее консервативных политических кругов (идея «ромейскости» и общество «Ромеосини»), а в России Византия стала преимущественно предметом для многочисленных историософских спекуляций, имеющих прямое отношение к проблемам России, но никакого — собственно к Византии. В концептах А. Малера (книга «Духовная миссия Третьего Рима»⁶), игумена Тихона (Шевкунова) (телефильм «Гибель империи. Византийский урок»⁷) и им подобных Византия рисуется неким идеализированным субституту России. И так, налицо сосуществование в современном обществе двух подходов к Византии: научного (включая научно-популярный, пользующийся немалым спросом, как показывает, например, путеводитель по Константинополю С. А. Иванова⁸) и романтического, по сути антинаучного, — близкая аналогия сегодняшней ситуации с западноевропейским Средневековьем. Впрочем, к сожалению, и в нашей науке наметился курс на «суверенную византинистику», больше не ориентирующуюся на «загнивающие» западноевропейские традиции.

Если перенести описанную проблематику на кавказскую почву, то картина здесь окажется еще более сложной. И главная причина этому — неясность с началом и концом местного Средневековья.

Кавказ не пережил события, подобного крушению Западной Римской империи, а переход территорий от одной империи к другой был здесь обыденным явлением. И даже арабское нашествие конца VII в., знаменовавшее собой глубокую цезуру в кавказской культуре, не было очевидной границей между древностью и Средними веками (а для Северного Кавказа вообще прошло незамеченным). Таким рубежом для Закавказья следует считать, скорее, принятие христианства в первой половине IV в. — по крайней мере, оно было ясным и непререкаемым концом «древности» для кавказцев Средневековья. Как ни парадоксально, но и для Алании принятие христианства в начале X в. во многом стало таким же началом Средневековья, прежде всего, в культурном аспекте.

6. Малер А. М. Духовная миссия Третьего Рима. М., 2005.

7. Гибель империи: Византийский урок <https://youtu.be/kaNA2GxnMX4> (дата обращения: 27.04.2020).

8. Иванов С. А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011.

Точно так же и вторая половина XV в. не принесла на Кавказ никаких радикальных изменений, которые стали бы четким и знаковым водоразделом для местной истории. Поэтому одни современные авторы заканчивают свое кавказское Средневековье раньше, например, в XIV в., как это сделал недавно Ж.-М. Тьерри в книге «L'Arménie au Moyen Age»⁹, а другие, напротив, спокойно доводят средневековую историю Кавказа до XIX в., так как, по мнению последних, историческое Средневековье окончательно завершается на Кавказе с русским завоеванием. Но ментальное Средневековье, как мы его привыкли понимать, длится на Кавказе и по сей день — как же иначе можно воспринимать предвыборную клятву сванских милиционеров на кресте и иконе святого Феодора или не прекращающийся больше тысячелетия спор кавказских интеллектуалов о том, кто лучше, древнее и умнее: армяне или грузины.

Получается, что научное изучение средневекового Кавказа в Европе началось еще до того, как Средневековье там закончилось. Парадоксальным образом первое комплексное научное исследование Грузии — «История» и «География» Вахушти Багратиони¹⁰ начала XVIII в., — это одновременно и один из последних средневековых источников, на который современные ученые ссылаются так же, как на летописи IX или XIV столетия. Таким образом, кавказская традиция изучения собственного Средневековья уходит корнями в локальную книжность того же периода.

Именно поэтому Кавказ и не знал всех многочисленных европейских «Средневековий». По сути дела, в настоящее время сосуществуют две науки о кавказском Средневековье: отстраненная европейская, где исследователь вынужден в первую очередь пропускать через фильтр риторику источников и сглаживать противоречия национальных образов истории, и местная кавказская, которая, за редкими исключениями, приходит к утверждению подлинности сведений своих национальных источников и, соответственно, — собственного национального авторитета в истории. Бывают, конечно, и смешанные случаи: полностью «европеизированные»

9. Thierry J.-M. L'Arménie au Moyen Age. Paris, 2000.

10. Вахушти Багратиони. 1) История царства Грузинского / пер., пред., словарь и указатель Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976; 2) География Грузии / введ., пер. с груз. и прим. М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1904. Кн. XXIV. Вып. 5.

кавказцы или, наоборот, «окавказившиеся» европейцы (вроде Й. Стржиговского, выведившего средневековую купольную архитектуру Европы от армян-индоевропейцев¹¹).

«Средневековость» современного кавказского общества проявляется и в том, что в местной науке обычно выстраивается некая четкая система — обязательное «единственно верное учение» во главе с каким-либо мэтром (зачастую княжеского происхождения¹²), которое со временем становится невозможно публично критиковать. Учение это направлено, конечно же, на утверждение древности собственной цивилизации и ее первенства по отношению к соседям: то, что для армянской архитектуры сделал Й. Стржиговский (см. выше), для грузинской пришлось делать (в ответ тому) замечательному знатоку кавказского зодчества Г. Чубинашвили, который создал довольно спекулятивную систему датировок, призванных показать первенство грузин в данном аспекте, — симптоматично, что первый вариант его «Разысканий по армянской архитектуре»¹³ был запрещен к печати даже властями ГССР и распространялся среди грузинской интеллигенции в виде самиздата. Парадоксальным образом это стремление к национальному обособлению в современной кавказской науке оказывается намного сильнее, чем это же явление в политике и культуре кавказского Средневековья.

Еще одна ключевая проблема изучения кавказской истории, можно сказать, его родовая травма, — это несовпадение границ современных и средневековых, как этнических (которые вообще мало стабильны), так и государственных. Эта дилемма, не без труда преодоленная Западной Европой, остается на Кавказе по-прежнему актуальной, а кое-где (например, в Армении) приобретает катастрофический характер и, соответственно, порождает желание доказать свои «исторические права». В свою очередь, территория современного государства объявляется принадлежавшей создавшему его этносу чуть ли не от сотворения мира. А для подтверждения этих прав нередко создаются фальсификации исторических источников, которые уходят своими корнями, опять же, в Средневековье (вспомним, например, историю создания генеалогии Багратидов).

11. *Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918.*

12. Так, главным историком средневековой Абхазии в советское время был владетельный князь З. В. Анчабадзе, а главным историком средневекового искусства Абхазии — владетельный князь Л. А. Шервашидзе. При этом их происхождение чаще всего сказывалось в положительную сторону на качестве их исследований.

13. *Чубинашвили Г. Н. Разыскания по армянской архитектуре. Тбилиси, 1967.*

Наука о средневековом Кавказе, что показательно, почти не познала послевоенных веяний западноевропейских исторических концепций. Причины этому, на мой взгляд, как недостаток источников для микро- и прочих историй, так и общая «косность» кавказоведов, склонных к решению проблем в позитивистском ключе. И перспектив к изменениям здесь пока тоже не предвидится: вне Кавказа нет особого интереса к его Средневековью, а в сравнении с европейскими медиевистами их кавказские собратья напоминают отчасти «отсталые» народы СССР, перешедшие от «феодализма» или даже от «первобытнообщинного строя» напрямую к социализму. Впрочем, эта гремучая смесь может дать взрывчатый материал для новых исторических концепций, которые нам не дано даже предугадать.

Вышеизложенные мысли, на мой взгляд, интересно проверить, как на оселке, на примере еще одного «Средневековья» — древнерусского. Есть ли здесь сходство с Европой, с Византией, с Кавказом, или же все своеобразно?

Сходство с Кавказом проявляется в вопросе о начале и конце Средневековья. Но, как это обычно бывает, у нас все намного сложнее. Русь, даром что Древняя, появляется на исторической арене сразу в Средневековье: не то что древнерусские книжники — современные археологи не могут найти ее в досредневековый период. Культурное же Средневековье начинается здесь, опять же, с принятием христианства и рецепцией греко-римско-еврейского наследия. Никакого финала Средневековья во второй половине XV в. на Руси, несмотря на ожидание конца света в 1492 г., также не наступило, разве что у великих князей Московских появились претензии на царский (=императорский) статус. Настоящим переломом стал, конечно, рубеж XVII и XVIII вв., когда, собственно говоря, Русь превратилась в Россию, — Впрочем, следует отметить, что имманентный западному Средневековью феодализм многие ученые прослеживают в России до середины XIX столетия.

Петровский слом, напротив, роднит Россию с Европой: здесь рождается вдохновленное просветительским «третьим Средневековьем» представление о мрачных русских Средних

веках (пусть еще и без самого этого термина). Отрицание это было, по русскому обычаю, даже сильнее европейского, так как отрицателями были те, кто своими руками, прямо-таки физически боролся с русским прошлым вплоть до сбривания средневековых бород. Но одновременно эта эпоха отрицания стала и началом изучения русского Средневековья: основание Академии и университетов, собирание данных о русских древностях открыло, пусть пока преимущественно и руками ученых немцев, русскую науку о Древней Руси.

Совершенно параллельно Западной Европе возникает в России и «четвертое Средневековье»: начавшись с поэтов, оно так же закончилось национально-государственной наукой, породив не только псевдорусский стиль в архитектуре, но и знаменитую триаду «Православие, самодержавие, народность», созвучную намного больше идеализированному русскому Средневековью, чем идеям просветителей. Но в России с особой силой проявилась и неоднородность общественного отношения к прошлому: оппозиционная государственной установке на идеализацию (впрочем, довольно умеренную) Средневековья, часть общества осталась на прежних позициях отрицания в нем каких-либо положительных качеств. Симптоматично, что русское Средневековье становится в XIX в. предметом жарких общественных споров (правда, скорее идеологических, чем научных), прежде всего, в контексте полемики западников и славянофилов, приводя, в конечном счете, к более дифференцированному подходу к Древней Руси: например, Киевская Русь «хорошая», а Московская — «плохая» (как в «Потоке-богатыре» А. К. Толстого).

«Четвертое Средневековье» в России сменилось, однако, не послевоенным «пятым», как в Европе, а особенным — послеволюционным «марксистским Средневековьем», вернувшимся во многом, только с новых позиций, к оценкам «третьего Средневековья». А после Второй Мировой войны вместо «пятого Средневековья» Россия получила сталинскую реконструкцию национально-государственного «четвертого Средневековья», куда слегка подмешали марксистской идеологии, прежде всего, в отождествлении Средних веков с «феодализмом». «Пятое Средневековье» дошло-таки до исследования Древней Руси

в 1990-е гг., но, опять же, приобрело преимущественно экзотические формы, вроде «деконструкции источника» Киевской школы. Между тем, как и в византистике, мейнстрим древнерусистики весьма консервативен и пытается протянуть связь через послевоенных исследователей к своим дореволюционным истокам («шахматовское» направление).

Конец XX в. вернул Древнюю Русь и в политический дискурс, не сколько государственный, где ее образ остается столь же прянично-лубочным, как при Николае II или Сталине (вдобавок, с повышенным православным уклоном), столько в частные споры о прошлом России. Их даже трудно назвать общественными, потому что древнерусскую тематику педалируют в общественной полемике (помимо современных «западников» и «славянофилов», делающих это, скорее, по привычке) по преимуществу маргиналы (иногда мимикрирующие под ученых), которым не дает спокойно спать отсутствие досредневековой Руси, участие скандинавов в древнерусском политогенезе, недостаток возвеличивающих славян источников. Корнями своими они уходят еще в XIX в., в том числе к фальсификаторам древнерусских текстов, вроде А. И. Сулакадзева, однако пышным цветом эти фолк-историки, ободристы, родноверы и им подобные расцвели именно сейчас. Причина этому, на мой взгляд, кроется в слабой исторической просвещенности общества и несгибаемой вере в то, что от нас что-то скрывают.

Как мы видим, случай древнерусского «Средневековья» совсем не исключителен. В нем обнаруживается сродство со «Средневековьем» и кавказским (особенности хронологических рамок, тяга к удревнению и возвеличиванию собственного прошлого), и византийским (недостаточная публикация и исследованность источников, духовно-универсалистское начало), и западноевропейским (наибольшее совпадение сменяющих друг друга «Средневековий»). Подводя же некий общий итог (насколько он вообще возможен), следует отметить, пожалуй, что по мере движения на восток общественный интерес к собственному Средневековью все больше переходит из культурной плоскости в государственно-национальную.

Потеряв в мультикультурной Европе свой конституирующий для общества характер, этот интерес чем дальше на восток, тем сильнее, вовлекает средневековые штудии, что закономерно, в общественно-политическую конъюнктуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонин (Капустин), архим.* Еще о свят. Николае Мирликийском // Труды Киевской духовной академии. 1873. №IV.12. С. 241–288.
2. *Вахушти Багратиони.* География Грузии / введ., пер. с груз. и прим. М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. XXIV. Вып. 5.
3. *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского / пер. с груз., пред., словарь и указатель Н. Т. Накашидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. (Памятники грузинской исторической литературы).
4. *Виноградов А. Ю.* Два отечественных введения в агиографию [Никулина Е. Н. Агиология. Курс лекций. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008; Лурье В. М. Введение в критическую агиографию. СПб.: Аксиома, 2009] (рецензия) // Богословские труды. 2012. № 43–44. С. 594–621.
5. *Малер А. М.* Духовная миссия Третьего Рима. Москва: Вече, 2005. (Лабиринты тайноведения).
6. *Иванов С. А.* В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. Москва: Вокруг света, 2011.
7. *Чубинашвили Г. Н.* Разыскания по армянской архитектуре. Тбилиси: Мецниереба, 1967.
8. *Anrich G.* Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen. Leipzig; Berlin: B. G. Teubner, 1913–1917. Bd. 1–2.
9. *Strzygowski J.* Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien: A. Schroll & Co, 1918.
10. *Thierry J.-M.* L'Arménie au Moyen Age. Paris: Zodiaque, 2000. (Les formes de la nuit).

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Гибель империи: Византийский урок (2008). URL: <https://youtu.be/kaNA2GxnMX4> (дата обращения: 29.04.2020).

